

12+

Екатерина Фомичева
Слёзы тоскующего ребёнка

Екатерина Дмитриевна Фомичева Слёзы тоскующего ребёнка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44731152

SelfPub; 2019

Аннотация

Книга «Слёзы тоскующего ребёнка» представляет собой поэтический сборник, состоящий из 11 стихотворений, объединённых темой нежной тоски по неведомому.

Содержание

Эльмира	5
Раздвоение	6
Зов	8
Путь к одиночеству	10
Музыка пианиста	12
Среди лесов	14
Шёпот в лесу	15
Эльфийский лес	16
Песня печали	19
Строка	22
Первооснова	25

Фомичева Екатерина Дмитриевна

22 года. Родилась и живу в г. Бор Нижегородской области.

Стихи пишу с 13 лет.

Закончила МАОУ лицей г. Бор, сейчас учусь на 5 курсе факультета гуманитарных наук (направление «Русский язык и литература») НГПУ имени Козьмы Минина.

Моим главным увлечением является литература. Люблю читать М.Ю. Лермонтова, В. Гаршина, Л. Андреева, Г. Гессе, Э. По, Г.Ф. Лавкрафта, Р. Брэдбери, Ф. Кафку, Ж.-А. Рембо, Х.Л. Борхеса. Недавно с большой радостью открыла для себя Г.Г. Маркеса. Творчество почти всех этих писателей оказывает большое влияние на мою жизнь и на мои стихи.

В 2017 году со стихотворением «Воззвание Махатм» стала финалисткай «Русских рифм» в Нижнем Новгороде в номинации «Поэтические философские рассуждения».

В этом году стала участником «Тавриды Лит».

Эльмира

За гранью видимого мира,
В далёкой сказочной стране
Живёт красавица Эльмира,
Живёт с мечтою обо мне.

Когда не спится тёмной ночью,
Я устремляю взор к луне
И будто вижу: чьи-то очи
Из вышины сверкают мне.

Тогда задумчивая лира
Тоскует нежно в тишине,
И слышу я: моя Эльмира
С любовью шепчет обо мне.

Она вернуться к людям хочет,
Она томится в чудном сне,
Но лишь сапфировые очи
Из вышины сверкают мне.

Раздвоение

Я научился понимать
Цветов молчанье, шёпот снов.
Познал стремление принять
Судьбу высокую ветров.

Но дух мой таинства искал,
Пути к последнему стиху.
Я выпил истины фиал –
И сопричастен стал греху.

Распалась цельность на куски.
Я очи к бездне обратил:
В утробе алчущей тоски
Дремал источник тёмных сил.

Увы! Сомнением объят,
Взирает робко в лик чужой
Забывший друг. Так страшен ад
Тому, кто знал один покой.

Он тщетно ищет в глубине
Былую лёгкость, нежность грёз.
Теперь напомнят обо мне

Лишь капли чуть заметных слёз.

И древний идол, бог ветров,
Поставлен в душу на века.
Цветов молчанье, шёпот снов
Чужды для слуха старика.

Зов

Я чувствую: крылья растут за спиной
У призраков древних безмолвных ночей.
Я чувствую: мёртвое что-то за мной
Из тьмы наблюдает. Туманных речей

Из тысячелетий мне слышится зов:
«Прекрасен наш дом. Мы ждали тебя
Пять жизней, сплетённых из сумрачных снов.
Шестая – для нас. Никого не любя,

Ты тенью скитаешься в мире людском,
Ты горькую память о смерти хранишь.
Ты чувствуешь: где-то в тумане есть дом.
Ты очень скучаешь. И очень спешишь

Покинуть пустыню неспящей души.
Мы примем тебя, как блудную дочь.
Из древней, глубокой и мёртвой глуши
Навстречу поднимется вечная ночь!»

Я слушаю. Бездны небес и земли
Меня увлекают в бескрайнюю даль.
Я падаю! Камнем на сердце легли

Тоска, одиночество, мрак и печаль.

Путь к одиночеству

*Что нужды восходить в стремленьи бесконечном
По восходящей ввысь волне?
Всё дышит, чтоб иметь удел в покое вечном,
Всё умирает в тишине.*

*Всё падает, мелькнув, как тень мечты бессильной,
Как чуть плеснувшая волна.
О, дайте нам покой, хоть чёрный, хоть могильный,
О, дайте смерти или сна.*

А. Теннисон

Из забвенья мои приходили мечты
И меня увлекали с собой.
Опадали с деревьев листья и цветы,
Я искал одинокий покой.

Ну не странно ли жаждать холодной тоски
Среди добрых и верных друзей?
Я любил их любовь, но пустыни пески
Были духу скитальца родней.

И пока моё тело лежало в пыли,

Для души открывался тайник.
Бесконечные грёзы из древней земли
Пробудились. И к ним я приник.

Словно воды рождённого в поле ручья,
Обессиленно пил я в тиши
Сладость песни ночной, и мольбы соловья,
И покой одинокой души.

Я желал навсегда поселиться во сне,
Чтоб ни смерти, ни жизни не знать.
А быть может, о смерти лишь думалось мне,
Лишь о ней ещё мог я мечтать.

Но в тумане теней исчезали слова,
Умирала последняя мысль.
Я летел, края неба коснувшись едва,
В необъятно-могильную высь.

Музыка пианиста

Я пианист, давно уже влюблённый
В бессмертную мелодию ночей,
А этот сумрак, вечно оживлённый,
Далёк от мира, как и я – ничей.

В тиши полночной за своим роялем
Я уношусь в сиреневые сны,
И шепчут мне заоблачные дали
О таинстве рождения весны.

Как тонки пальцы! Трепетно и нежно
На клавиши ложится их тепло,
И музыка, неслышимая прежде,
Струится сквозь прозрачное стекло.

Она летит, и плачет, и смеётся,
Она с тоской кричит о небесах
И в чистых душах эхом раздаётся,
И остаётся в детских голосах!..

Но стоит только пальцам пианиста
На миг прервать движение совсем, –
И смолкнет музыка и Моцарта, и Листа,

И холодом дохнёт небытие.

Смирившись с тишиною и прохладой,

Мелодия укроется в ночи,

И между раем и беззвёздным адом

Она в печали светлой замолчит.

Среди лесов

Я тайную выдумал жизнь для себя.
В ней нет кругового мерцания дней.
Там, тихую верность печально храня,
Тоскует младенец по сказкам людей.

Но воздух дыханием трав напоён,
А ветви сплелись над усталой главой.
Для древнего царства лесов он рождён,
Приятен младенцу тенистый покой.

Его убаюкает шёпот листвы,
В древесный душа облачится наряд,
И с первым приходом стыдливой весны
Свершится невиданный брачный обряд.

Шёпот в лесу

Мои пальцы корой покрыты,
Мои ноги ушли под землю.
Все бывшие дела забыты,
Лишь дождю и ветрам я внемлю.

Одинок! Одинок с рожденья!
Кто услышит тревогу листьев?
Ночью леса печальный гений
Навсегда со мною простился.

И беззвучно, словно в пустыне,
Пробудились цветы забвения.
Помолись, беспокойный странник,
Не о жизни – о воскрешении.

Эльфийский лес

Ты послушай-ка, странник, чудесную быль:
За седыми горами, в Эльфийском лесу,
Лунодева жила, и веночки плела,
И, как роза в саду, одиноко цвела,
И пила на восходе росу.

И смеялась она, словно звонкая трель,
Ведь не знала тоски вдалеке от людей.
Только эльфы и феи свою госпожу
Берегли, укрывая под сенью ветвей.

Но однажды, проснувшись порою ночной,
Лунодева в раздумье к реке подошла.
А в реке отражался таинственный свет:
Свет звезды, что по небу печально плыла.

Тут почудилось деве, как кто-то зовёт,
Из бездонного мрака зовёт её вниз.
Станный голос шептал: «Мы искали тебя,
Поскорее домой, к своим сёстрам вернись!»

Колыхнулась вода: оживала река,
Свет звезды замерцал и исчез в глубине.

Серебристая нить ускользала на дно,
И была её тайна подобна луне.

Тёмной ночью, окутавшей пологом сна
И ущелья, и реки, и сказочный лес,
Эльфы с феями мирно дремали во мху,
Сновидения их были полны чудес.

А прекрасная дева безмолвно ждала
У воды, вся во власти таинственных сил.
Вдруг шепнул чей-то голос из страшных глубин:
«Наш отец белый жемчуг тебе подарил!

Подарил сундуки драгоценных камней,
В них алмазов, рубинов, сапфиров – не счесть.
Возвращайся к отцу, дорогая сестра,
У него для тебя много золота есть!»

Очарована речью незримых существ,
Лунодева не слухом внимала – душой,
И, в томлении сладком не помня себя,
Она смело входила в поток голубой.

Она шла, будто призрак, сквозь тьму и туман,
Голоса приближались и были слышной.
«Мы так рады, сестра! Мы так ждали тебя!

Ты навеки отныне с семьёю своей!..»

Тёмной ночью, окутавшей пологом сна
И ущелья, и реки, и сказочный лес,
Эльфы с феями мирно дремали во мху,
Сновидения их были полны чудес...

Я подслушал, о странник, чужой разговор:
То деревья шептались над тихой рекой.
Этот шёпот печальный мне в сердце проник,
Эту тайну повсюду ношу я с собой.

Говорили деревья: когда-то давно,
За седыми горами, в Эльфийском лесу,
Лунодева жила, и веночки плела,
И, как роза в саду, одиноко цвела,
И пила на восходе росу.

Так и было б всегда, но однажды, как сон,
Лунодева исчезла в туманной реке.
Лишь три ночи спустя, в полнолуние, эльф
Побелевшее тело нашёл на песке.

Песня печали

И всю ночь я писал, не зная усталости, свободно паря на крыльях могучего, святого вдохновения. Я писал великое, я писал бессмертное – цветы и песни. Цветы и песни...

Л. Андреев

На скрипке чудесной играл я в ночи,
Мне звёзды, тоскуя, внимали.
Листва шелестела: зачем скрипачи
Влюбляются в тайну печали?

А звуки струились и горечь мою
С собой в вышину уносили,
Где ветер и листья в бескровном бою
Последние тратили силы.

Заплакал смычок, зарыдала струна,
Их жалобы ветер услышал,
И вдруг, став печальным, как дева луна,
Ко мне он спустился, притихший.

Он думал о тяжести солнечных дней,
О трепете ласковой ночи.

А скрипка рыдала сильней и сильней,
А ночь становилась короче!..

И песня, слетев с нераскрывшихся губ,
Упала, как птица на камень.
«Я был горделив, беспокоен и глуп,
Нечистый горел во мне пламень.

Но музыка! Странные грёзы тоски
Неведомый мрак пробудили.
Теперь даже чутких цветов лепестки
В безмолвии смерти застыли.

Зачем же, великую тайну храня,
Ты душу свою открываешь?
Не мучай, не мучай, не мучай меня!
Ведь счастья, скрипач, ты не знаешь...»

Так ветер-отшельник надрывисто пел
Бессмертную песню печали,
И звук его сердца незримо летел
В туманные, лунные дали.

И плакать хотелось, но было светло
От этой загадочной боли.
Далёкое солнце стыдливо цвело

На хрупко синеющем поле.

Мгновенья промчались, – и вновь тишина

Окутала душу печалью.

Был робок смычок, непорочна струна,

И звёзды, тоскуя, молчали.

Все дни и все ночи, что видел потом,

Встречал я безмолвным молением,

И больше ни разу о звуке святом

Не вспомнил в пылу вдохновенья.

А где-то в туманах, при свете луны,

Полночном таинственном свете,

Кружат, словно листья, бессмертные сны

И страшно свирепствует ветер.

Строка

Рождаясь в пене слов,
Строка моя течёт,
Переплетеньем снов
Ласкает небосвод.

Безмолвна и светла
Художника печаль,
Когда на лик земли
Накинута вуаль.

Художник недвижим,
Обвенчан с тайной он,
И мысли-мотыльки
Летят со всех сторон.

Вот так и я: в лучах
Погаснувшей звезды
Картины тку из снов
И дождевой воды.

Откроется окно:
Космическая ночь
Окутает мой дух,

И мы умчимся прочь.

Как призрак или тень,
Как синеватый дым,
Я буду высоко
Над городом немым.

Станцует ветер вальс
С осеннею листвою,
И в шорохе листвы
Услышу стих я свой.

И музыка дождя,
И осени, и звёзд
Построит для меня
Чудесный лунный мост.

Но кратким будет путь:
У ночи малый срок.
Печальный дух-скрипач
Опустит свой смычок.

Последняя звезда
Растает в полусне.
Тоскливо, и светло,
И сладко будет мне.

Тогда из пены слов
Родится та строка,
Что нежной чистотой
Прольётся сквозь века.

Она минует тьму,
В один лишь веря свет,
Чтоб, тленность победив,
Бессмертен стал поэт.

Первооснова

Тоскую часто я о странах,
В чьей вещи, дикой тишине
Мечты и сумрачны, и странны,
Как думы на моём челе

Там стоном тьмы тревожит птица
Беседы призраков слепых.
Там дух поэзии рождается –
Шаманов заповедный стих.